

*Вестник Ивановского государственного университета.*

*Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 89—102.*

*Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2025. Iss. 1. P. 89—102.*

Научная статья

УДК 94:070(470.315)''1917''

DOI: 10.46726/H.2025.1.12

## **ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЛЮСТРАЦИЯ: НАБРОСКИ К ПРОБЛЕМЕ**

**(на материалах демократической печати г. Иваново-Вознесенска)**

**Юрий Александрович Ильин**

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, [ilyin37@mail](mailto:ilyin37@mail)

**Аннотация.** Предмет исследования необычен, уникальность его в новизне подхода к рассмотрению, в частности таких аспектов, как перестройка политических органов самоуправления, включая их силовой блок, разоблачение и арест секретных сотрудников «охранки», социальный портрет осведомителя-provokatora провинциального фабричного центра России. Показан феномен системы переходного правосудия Февральской революции в лице учрежденного демократическими силами города Междупартийного Совестного суда, рассматривавшего и выносившего приговоры тайной агентуре «охранки», исходя из принципов гуманизма и справедливости. Приводимый в статье материал о люстрации в г. Иваново-Вознесенске подводит к пониманию того, что ведущую роль в осуществлении разгрома местного жандармского управления на фоне высокой общественной активности населения сыграли умеренно-социалистические и демократические силы. Их ценный опыт сотрудничества в деле разрушения репрессивного аппарата царизма давал возможность выработать наиболее приемлемую форму коалиции конструктивных сил в деле внедрения принципов демократии в российскую государственность. Рупором этих настроений и конкретных шагов в сторону демократизации режима власти являлась демократическая печать г. Иваново-Вознесенска. Именно с ее страниц внедрялись в общественное сознание мысли о гуманизме и справедливости, призывы и предложения о возможности и необходимости сплочения демократических и социалистических сил страны ради строительства Свободной и Великой России.

**Ключевые слова:** жандармерия, полиция, секретная агентура, социальный портрет осведомителя, судебно-следственная комиссия, междупартийный Совестный суд

**Для цитирования:** Ильин Ю.А. Февральская революция и люстрация: наброски к проблеме (на материалах демократической печати г. Иваново-Вознесенска) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1. С. 89—102.

Предметом исследования статьи является институт переходного правосудия (люстрация) периода Февральской революции. Так исторически сложилось, что имеющиеся на данный момент публикации по теме в основном написаны специалистами-правоведами применительно к опыту стран Центральной и Восточной Европы, переживших смену режимов и последствия политических перемен в конце 1980-х — начала XXI в. [Краснов; Lawther; Moffett; Jacobs; Sadurski; Czarnota; Rožič; Nisnevich; Радбрух; Нудненко; David; Zabyelina]. В Российской Федерации смена коммунистического режима не инициировала процессы зарождения и накопления первоначального опыта (и теории на базе его) института люстрации. Власть, общественные организации и отдельные

---

Ильин Ю.А., 2025

граждане не проявили интерес к его формированию, отложив решение важнейшей задачи переходного периода на неопределенный срок. Без одобрения со стороны государства была скована самостоятельная инициатива гражданских структур и физических лиц в данном направлении. И получилось в результате то, о чем говорил в свое время выдающийся полководец А.В. Суворов: «Теория без практики мертва, практика без теории слепа». Без конкретного подхода (в историческом и историко-юридическом разрезе) к изучению проблемы, который бы показал публичную практику государства и общественности в деле становления данного института правосудия на местах и в определенный временной период, невозможно поднять уровень теоретического осмысления и тем более внедрить данный юридический инструмент для ускорения формирования гражданского общества.

В истории России были эпизоды, когда у власти и части общества просыпался интерес к люстрационной практике в сфере политики. Так, период Февральской революции показывает нам интерес со стороны российской государственности и правосудия задействовать активность и коллективный разум общества по накоплению первоначального опыта осмысления и конструкции люстрации, приведению в действие важнейшего инструмента упрочения демократических принципов после смещения диктаторских режимов.

Значимость проблемы объясняется и отсутствием в региональной историографии исследований такого рода. Это объясняется закрытостью источников и политическими обстоятельствами.

Что в юриспруденции понимают под термином «люстрация»? Википедия: «Люстра́ция (от лат. *lustratio* — очищение посредством жертвоприношения — законодательные ограничения для политической элиты прежней власти, вводимые после смены власти, в виде ограничения избирательных прав (активного и пассивного), а также права на участие в управлении делами государства». Большая Российская энциклопедия: «Люстрация, в праве — в широком смысле совокупность мер по выявлению и недопущению к государственной службе лиц, сотрудничавших с диктаторскими режимами. Как правило, происходит при смене власти в государстве <...> В узком смысле — проверка граждан на причастность к деятельности спецслужб в бывших социалистических странах <...> Процедура люстрации предусматривает изучение архивов (в том числе архивов государственной безопасности), внешнеполитических и иных контактов различных лиц, других данных и в некоторых случаях обнародование списков лиц, сотрудничавших с органами государственной безопасности (в первую очередь с советскими). Иногда т. н. проскрипционные списки (от лат. *proscriptio* — письменное обнародование) составляются общественными организациями и полугосударственными учреждениями и публикуются в СМИ. Законы о люстрации устанавливают определённые ограничения в правах для попавших в проскрипционные списки граждан (невозможность занятия государственных должностей и должностей, связанных с обучением и воспитанием молодёжи, работы в академических учреждениях, в СМИ, в полиции и др.)...».

Нам представляется, что последнее определение люстрации в наибольшей мере соотносится с предметом исследования представленной статьи. Правда, надо учитывать, что данная дефиниция исторична, ее логическое содержание и характерные черты меняются в зависимости от исторических условий, времени ее инициирования. Более того, специфика ее проявления существенно корректируется местными условиями (взаимоотношения властей и населения, роль общественных структур, социально-классовый состав жителей, уровень их

политической культуры и общего образования, потенциал экономики, влияние зарубежных стран и т. д.).

Поднимаемые в статье вопросы весьма проблематичны для изучения гражданскими исследователями в силу специфики материала, закрытости информации. Все эти препятствия наложили свой отпечаток на источники предлагаемой статьи. К сожалению, нам пришлось ограничиться «свободной прессой» периода Февральской революции («Известия Иваново-Вознесенского Революционного Комитета Общественной Безопасности» и «Иваново-Вознесенск»). Но и тут встретились трудности: лишь незначительная часть номеров газет, выходявших в 1917 г., сохранилась до наших дней. Исследовательских работ краеведческого характера по данной теме нет. Понимая ограниченность базы источников, все же берем на себя смелость, используя выявленную информацию, представить наброски данной проблемы, дать право ей на исследовательскую жизнь.

Рассмотрение темы начнем с обзора мер новой власти по организации силовых структур в г. Иваново-Вознесенске. Газета «Известия Иваново-Вознесенского РКОБ» в № 1 за 12 марта 1917 г. информировала читателя, что 3 марта «в здании Городской Управы в это время заседали в двух залах Совет Раб. Деп. и Дума, с участием представителей общественных организаций, обсуждался один и тот же вопрос — об организации временной власти в г. Иваново-Вознесенск ... в тот же день вечером состоялось 1-е заседание нового органа правительства, названного Иваново-Вознесенский Революционный Комитет Общественной Безопасности.

Параллельно с организационной работой началась ликвидация остатков старого политического строя...».

В подтверждении этого на первой странице номера было помещено объявление от штаба гражданской милиции: «Настоящим доводится до сведения граждан г. Иваново-Вознесенска, что взамен б. полиции, жандармерии и казаков формируется и частью уже вступила в исполнение своих обязанностей гражданская милиция.

Штаб гражданской милиции находится в помещении б. Иваново-Вознесенского полицейского управления (ул. Кокуй, д. Шустенкова). Занятия в Штабе милиции происходят с 10 часов утра до 2 часов и с 3 часов дня до 6 часов вечера. Дежурство постоянное днем и ночью. Телефон штаба милиции № 42. Телефон кабинета начальника милиции № 3-42. Иваново-Вознесенский РКОБ».

В этом же номере газеты был опубликован состав руководства Иваново-Вознесенского РКОБ и силового блока: «а) президиум — председатель РКОБ Архангельский Михаил Федорович, товарищи председателя — Кабанов Иван Иванович, Степанов Василий Яковлевич, Грушке Александр Витальевич; б) секретари — Чернов Михаил Александрович, Щеберстов Иосиф Васильевич, Софронов Сергей Александрович; в) исполнительная комиссия — председатель Кабанов И.И., секретари — Щеберстов И.В., члены: Кондратьев М.П., Андреев Е.М., Семенов А.К., Трифонов И.И., Кузнецов В.П.; г) управление милицией: Совет милиции — председатель Гандурин В.А., товарищ председателя — Ф.Ф. Надлер, секретарь — И.А. Салов, члены — Андреев Е.М., Келбасинский В.Р., Соколов С.И., Степанов В.Я.; начальник милиции — Соколов С.И., товарищ начальника — Андреев Е.М.; д) судебная комиссия: члены Андреев Е.М., Гуськов В.А., Кондратьев М.П., Салов И.А., Туркин Г.К. На первых заседаниях этой комиссии была выделена внутри ее судебно-следственная секция, избран секретарь комиссии — Андреев Е.М.» [Известия РКОБ: № 12. 25 марта 1917 г.].

Уже на заседании судебной комиссии (19 марта 1917 г.) был поднят вопрос о судьбе арестованных, бывших должностных лиц местного полицейского и жандармского управлений (жандармского ротмистра Лызлова и его товарища — Васильева, б. полицмейстера Шапкина, его товарища — Бессонова, пристава Мякинкова, бывших полицейских и надзирателей Шишко и Леонидова, бывшего казачьего урядника Колоколова, а также комендантского адъютанта Штробиндера и рядового Груздева). В ходе обмена мнениями было принято решение о «необходимости в интересах общественной безопасности, с одной стороны, снабдить судебно-следственную секцию следующими полномочиями: а) производить аресты, немедленно доводя о сем до сведения Председателя РКОБ; б) входить в немедленное рассмотрение причин арестов, предпринятых по распоряжению революционных властей в интересах общественной безопасности, для чего о всех означенных арестах должно доводиться до сведения судебно-следственной секции одновременно с заключением арестованных под стражу; в) постановлять о продлении ареста или освобождения от него, причем постановление об освобождении приводить в исполнение немедленно; означенные постановления немедленно доводить до сведения Председателя Комитета, причем освобождение лиц, арестованных по постановлению или с одобрения Комитета, должно производиться только с разрешения Комитета; г) производить пополнение судебно-следственной секции кооптируемыми лицами с утверждения Комитета».

По поводу уже арестованных лиц, нами вышеперечисленных, судебная комиссия высказалась за оставление их под стражей: «... до сего времени обстоятельства, вызвавшие их задержание, не изменились, что освобождение задержанных без проверки оснований, могущих послужить к их освобождению, может вызвать лишь опасное для общественного спокойствия брожение, создав благоприятную для провокации почву».

Более того, ею было постановлено «обратиться с воззванием к населению, предложив сообщать судебно-следственной секции все материалы, уличающие отдельных лиц в действиях или проступках, направленных против нового строя (документы, указание сведений и пр.), не прибегая к анонимности и необоснованным жалобам». Судебно-следственная секция предложила милиции и другим структурам Комитета передать документы, касающиеся арестованных лиц, еще раз передопросить всех задержанных граждан. Был поставлен вопрос о выработке процедуры допроса. Ею было принято решение рассмотреть данный вопрос на специальном заседании Судебной комиссии.

Данные решения судебной комиссии были оглашены Е.М. Андреевым на общем заседании РКОБ 20 марта 1917 г. Суть их сводилась к расширению своих полномочий. Складывается мнение, что по заявлению Е.М. Андреева Комитет занял компромиссную позицию. В целом он согласился с мнением судебной комиссии (сомнений и прений на этот счет не было), но твердо отстоял принципиально важную установку: кому принадлежит приоритет в праве арестов и освобождения из-под стражи. Председатель Комитета поставил на голосование вопрос: «можно ли дать судебной комиссии право ареста, с доведением о том до сведения председателя Комитета?». Большинство голосов данная формулировка в предложении судебной комиссии была отклонена и внесена своя поправка: «В случае ареста, произведенного по постановлению президиума Комитета, Комитет ... доводит немедленно до сведения судебной комиссии». Такое решение в деле арестов и освобождения лиц не столько поднимала значимость Комитета, сколько его Президиума. В то же время председатель Комитета внес предложение «ходатайствовать об установлении новой должности

судебного следователя в г. Иваново-Вознесенске ввиду того, что судебные следователи перегружены чрезмерной работой». Данное предложение Комитетом было принято и отправлено на рассмотрение судебной комиссии.

Заседание РКОБ 20 марта 1917 г. знаменательно и тем, что по заявлению членов Комитета, недовольных принятием бывших городских в состав городской милиции, было решено «предложить начальнику милиции немедленно уволить всех взятых в милицию городских».

В действиях судебной комиссии по расширению своих полномочий были убедительные аргументы: а) перегруженность делами лиц, арестованных и ожидающих следствия. Положение это усугублялось обстоятельством отвлечения членов судебной комиссии для участия в работе других комиссий Комитета; б) обострение криминогенной обстановки в городе и его пригородах; в) выявление и искоренение сети секретных сотрудников жандармского управления, проникших в общественные и политические организации Иваново-Вознесенска.

Вскоре эти трудности в работе судебной комиссии были замечены руководством РКОБ. На заседании 29 марта 1917 г. председатель «обратил внимание на тот факт, что одни и те же лица, будучи избираемы в различные комиссии, перегружены работаю, а потому некоторые комиссии почти не функционируют, так, например, судебно-следственная комиссия; поэтому он предлагает пополнить судебно-следственную комиссию новыми членами, избранными Советом Раб. и Солд. Деп...». Комитет голосованием постановил: «ввести в состав судебно-следственной комиссии следующих членов Совета Раб[очих] и Солд[атских] Деп[утатов]: Малиновского С.В., Жохова В.С., Любимцева И.А., Шашунова М.П., Потаскуева Н.Ф.» [Известия РКОБ: 7 апреля 1917 г.].

В статье акцент сделаем на деятельности судебно-следственной комиссии по выявлению и искоренению сети секретных сотрудников жандармского управления г. Иваново-Вознесенска. Необходимость в этом диктовалась и сложившейся в стране ситуацией: повсеместным желанием и порывом демократических и политических организаций избавиться от проникших в их ряды провокаторов, доносчиков и осведомителей. Это направление деятельности судебно-следственных комиссий в регионах буквально захлестнуло весь объем их работы. О важности такой работы постоянно трубила демократическая печать в дни Февральской революции.

Данный вопрос был поднят и газетой «Известия Иваново-Вознесенского РКОБ» в статье «Их очень много» (№ 14 за 29 марта 1917 г.). В ней, в частности, говорилось о разоблачении бывшего редактора газеты «Правда» большевика Черномазова, который за 200 рублей в месяц продавал «Россию, революцию и свою партию». Это событие «произвело впечатление удара молнии». Далее автор передовицы отмечал: «По известному закону последующие удары естественно должны были производить меньшее впечатление. Но в то же время они сыплются ежедневно, один за другим, и своей массой не только гнетут человеческую совесть, но и внушают большую тревогу. Темные силы работают во всю... С разных мест приходят такие вести. Работают темные силы. Нужно с ними бороться». В передовице приводились факты разоблачения «оборотней» в Одесском и Орловском Советах Раб. Деп. Для Иваново-Вознесенской судебно-следственной комиссии был особый мотив заняться их разоблачением: именно в нашем регионе наблюдались факты сокрушительного разгрома местных социал-демократических ячеек и организаций при фабриках в 1912—1913 гг. и 1915—1916 гг., которые заставили оставшихся на воле социалистов уйти в глухое подполье и порвать все связи с рабочими массами.

Принятые судебно-следственной комиссией решения, в основной массе одобренные Революционным Комитетом Общественной Безопасности, начали реализовываться. Как это происходило в г. Иваново-Вознесенске? Сразу отметим, что борьба с провокаторами «охранки» была ярким явлением общественно-политической жизни города в те дни. Так, в газете «Иваново-Вознесенск» (№ 5 от 15 апреля 1917 г.) было помещено на первой странице объявление: «Судебно-следственная комиссия при Иваново-Вознесенском РКОБ обращается ко всем гражданам, имеющим сведения о деятельности бывших чинов полиции, жандармов г. Иваново-Вознесенска и их сотрудников, давать таковые дежурным членам Комиссии. Дежурства чинов Судебно-следственной Комиссии в здании Иваново-Вознесенской Городской Управы от 11 часов до 2 часов ежедневно (272-3-1)». Можно с большой вероятностью предполагать, что объявления такого рода появлялись в местной печати уже с конца марта 1917 г., ибо аресты секретных сотрудников полиции и жандармерии, на основании документов местных репрессивных структур царского режима и сообщений от населения, начались именно в конце марта — апреле 1917 г.

Первые массовые аресты комиссия произвела 18 апреля 1917 г. В газете «Иваново-Вознесенск» за 27 мая / 9 апреля 1917 г. было помещено объявление судебной комиссии, где говорилось о следственных действиях в отношении Силантьева, Пугачева, Тихомирова, Баталина, Куражева (торговец), Селивановского (служащий Городской Управы), Краснощекова (портной), Зайцева (издатель «Ивановского листка»), Тишкина и Садовникова (железнодорожные служащие), Шохнина (содержатель чайной лавки). Им предъявлялось обвинение в участии в монархических организациях и погромах 1905 г. Заключение означенных лиц под стражу было вызвано подозрениями в том, что они сотрудничали с царской «охранкой». Позднее в ходе следственных действий это последнее обвинение было снято с Пугачева Ивана Капитоновича. Обвинение в тесном сотрудничестве с черносотенными организациями и жандармами — с Краснощекова Андрея Антоновича, Тихомирова Василия Павловича и Зайцева Павла Ивановича. С остальных граждан, арестованных 18 апреля, и вовсе были сняты все обвинения. Они были освобождены из-под стражи.

Важно отметить то, что аресты 18 апреля были произведены по инициативе членов судебно-следственной комиссии, выдвиженцев местного Совета Раб. и Солд. Деп., а конкретные задержания осуществляла гражданская милиция под руководством нового начальника В. Бубнова, тоже ставленника местного Совета. Эти структуры превысили свои полномочия и, по сути, в этом деле проявили неподчинение высшему политическому органу г. Иваново-Вознесенска — Революционному Комитету Общественной Безопасности. Они нарушили институционные принципы структуры и функционирования местного аппарата власти. Но РКОБ со своей стороны не предпринял никаких действий и довольствовался лишь весьма невразумительными объяснениями представителей своих подчиненных структур о причинах этих задержаний. Как видим, аресты зачастую были необоснованны.

По доступным номерам газет «Известия Иваново-Вознесенского РКОБ» и «Иваново-Вознесенск» нами было выявлено, что на 30 октября 1917 г. сотрудниками судебно-следственной комиссии были заведены политические дела на 17 человек. Был произведен их арест, многих освободили, но некоторые содержались под стражей на основании разоблачительных документов местного жандармского управления и свидетельских показаний. Приведем здесь их поименный список:

1. Гнидин Кузьма Егорович (кличка «Зимний»)

2. Груздев Александр Павлович (кличка «Скорый»)
3. Гушин Василий Никитич (кличка «Чугин»)
4. Делюсин Василий Николаевич (кличка «Гнедой»)
5. Зайцев Павел Иванович
6. Зверев Михаил Егорович (кличка «Светлов»)
7. Краснощеков Андрей Антонович
8. Купцов Василий Никитич (кличка «Поперечный»)
9. Парфенов Алексей Матвеевич
10. Пугачев Иван Капитонович
11. Сергеев Андрей Карлович (кличка «Темнов»)
12. Соловьев Алексей Петрович (кличка «Аппаратов»)
13. Степанов Федор Семенович (кличка «Морской»)
14. Тепляков Николай Никанорович (кличка «Второв»)
15. Тихомиров Василий Павлович
16. Тюрин Дмитрий Михайлович (клички: «Егоров», «Немой»)
17. Чугунов Никанор Сергеевич (клички: «Акимов», «Приятный»).

Из этого списка сразу выделим 4 фамилии (Краснощеков Андрей Антонович, Пугачев Иван Капитонович, Тихомиров Василий Павлович, Зайцев Павел Иванович). Первых трех граждан обвиняли в организации черносотенных погромов в 1905 г. Судебно-следственные действия в отношении же Зайцева Павла Ивановича проводились на основе утверждений о погромно-монархическом характере издававшегося им при старом режиме печатного органа «Ивановский листок».

В нашем распоряжении имеются краткие сведения по 13 секретным сотрудникам Иваново-Вознесенского жандармского управления. На основании этих данных попытаемся дать социальный портрет провокатора-доносчика провинциального фабричного центра России — г. Иваново-Вознесенска. Итак, это были мужчины молодого, зрелого, наиболее работоспособного возраста. На момент вербовки их возраст колебался в диапазоне 24—32 лет. Но были и исключения: 2 человека (Тюрин Д.М., Делюсин В.Н.) были взяты под «опеку» жандармов в возрасте 17 лет. Социальное происхождение — крестьяне и мещане. Профессиональные занятия — рабочие фабрик и служащие кооператива «Единение—сила». Образование — начальное. Партийность — в основном беспартийные, но были и сочувствующие и члены социал-демократических организаций. Стаж работы секретным сотрудником — от 2 до 12 лет. Наибольший стаж насчитывали лица, начавшие работать осведомителями с 17 лет (Тюрин Д.М., Делюсин В.Н.). Большинство секретных агентов были завербованы жандармскими ротмистрами Левенцом и Лызловым, причем более всего преуспел в вербовке последний из них.

Рассмотрим такой аспект темы, как вклад секретных сотрудников в укрепление безопасности монархического строя и размер получаемого ими за заслуги денежного вознаграждения. По данным критериям разделим их на три группы:

1. Мотивация быть секретным сотрудником. Малодушные, страх перед «охранкой», боязнь увольнения, быть отправленным на войну, шантаж т. п. Люди малоразвитые и малограмотные. Это самая многочисленная группа осведомителей (5 человек из 13). Их месячное вознаграждение составляло 5—10 рублей. Они давали сведения о настроениях среди рабочих и служащих, были далеки от революционных организаций, их членов и руководителей, пассивны в общественной жизни. Как правило, были завербованы в 1915 г. Куратор — жандармский ротмистр Лызлов. Вот как оценивалась их деятельность в «охранке» членами междупартийного Совестного суда на судебных заседаниях 1917 г.:

= на заседании 13 сентября: «... показаниями Груздева, установленными по агентурным сведениям, никаких провалов местных партийных организаций или отдельных партийных лиц не вызывались, что показания его носили общий характер» [Иваново-Вознесенск: № 154. 27 сентября / 10 октября 1917 г.].

= на заседании 2 октября: «... показания Делюсина не носили какого-либо исчерпывающего характера, да и не могли быть такими, так как Делюсин малоразвитый человек, к партиям и организациям не имеет никакого отношения» [Иваново-Вознесенск: № 173. 26 октября / 8 ноября 1917 г.].

2. Мотивация быть секретным сотрудником. Страх и корысть. Начав работать под принуждением, эта группа осведомителей в конце концов «поймала кураж», вошла во вкус своей секретной деятельности, сопричастности к миссии борьбы с врагами престола. Приятным дополнением к этим ощущениям были и возросшие гонорары от царской «охранки» (с 5 рублей до 25 рублей в месяц). В эту группу входило не менее 3 (из 13) выявленных провокаторов.

Из заметки «Список № 2»: «Купцов Василий Никитич, маляр из с. Кохма, по кличке “Поперечный”. Работал в “охранке” в 1913—1914 гг. Мелкий осведомитель о настроениях в рабочей среде; указывал также на партийных работников, уже арестованных охранным отделением, разоблачая, таким образом, их деятельность. Указал, между прочим, на товарищей Соколова, Герасимова, Ракутина, Германа, Чугунова — из Кохмы» [Иваново-Вознесенск: 15 / 28 июня 1917 г.].

= из судебного заседания 2 октября 1917 г.: «... агентурными данными из материалов Владимирского жандармского управления удостоверено, что Купцов предавал не только своих товарищей, но и выдавал вновь возникающие партийные организации, что в показаниях Купцова явно проглядывает лживость и отсутствует искренность; что подобное отношение свидетельствует о том, что Купцов не только не раскаивается в своих поступках, но и представляет как лживый и безнравственный человек» [Иваново-Вознесенск: 26 октября / 8 ноября 1917 г.];

= судебного заседания 2 октября 1917 г.: «... показания Тюрина касались главным образом выяснения того, что делалось и чему он был свидетелем на политических собраниях <...> из объяснений Тюрина видно, что он совершенно не понимает всей безнравственности своей деятельности» [Там же].

3. Мотивация стать секретным сотрудником. Корысть и стремление благоустроить свою жизнь. Эти лица, поощряемые за свою рьяную службу солидным вознаграждением (35 рублей и более в месяц), в конце концов, таким образом самоутверждались среди окружающих, идейно проникались значимостью своей миссии борьбы с врагами престола и Отечества. Эти стражи порядка, как правило, имели большой стаж и высокий коэффициент результативности. Их насчитывалось не менее 4 (из 13) человек.

Из судебного заседания 13 сентября: «... сведения, даваемые Сергеевым местному жандармскому ротмистру, содержали донесения его о характере деятельности правления общества потребителей “Единение—сила”, об общественных и партийных собраниях, о принятых ими постановлениях и резолюциях, о сношениях их как с отдельными местными партийными работниками, так и с партийными работниками других городов, сообщение адресов, явок, квартир, сообщения о местных и иногородних нелегальных собраниях, месте и времени их, характеристик отдельных лиц и род их занятий и проч. Агентурные сведения, что результатом деятельности Сергеева были ликвидация организаций, аресты, обыски; что деятельность Сергеева в качестве секретного сотрудника отличалась непрерывностью и сведения, даваемые им местному

жандармскому ротмистру, отличались исчерпывающей полнотой и точностью» [Иваново-Вознесенск: 27 сентября / 10 октября 1917 г.].

Из судебного заседания 2 октября: «Парфенов занимался провокацией, организуя революционные группы и “подсева”, что упорное заpiresательство Парфенова, несмотря на разоблачения его прежних товарищей по работе в “охранке”, является лишь доказательством крайне нравственного падения Парфенова, который не может понять всей низости той предательской деятельности, в которой он уличается <...> он являлся деятельным организатором активных монархических черносотенных организаций, в которые он принуждал записываться, не останавливаясь даже перед угрозой оружия и увольнением» [Иваново-Вознесенск: 26 октября / 8 ноября 1917 г.].

Тепляков Николай Никанорович: «Деятельный сотрудник “охранки”. В 1912—1913 гг. при его участии была ликвидирована почти вся местная социал-демократическая организация, причем в числе арестованных 20—30 человек были Шорохов, Лепилов, Ашурков, Гнедин и др.». Получал вознаграждение в размере 35 рублей в месяц [Иваново-Вознесенск: 15 / 28 июня 1917 г.].

Чугунов Никифор Сергеевич: «Видный местный провокатор, принимавший деятельное участие в образовании местных социал-демократических организаций, которые затем он предавал» [Там же].

Что дает приведенная нами градация секретных сотрудников местного жандармского управления? 1. Перед тайными агентами были поставлены разные задачи: а) чутко воспринимать и оперативно доносить о настроениях в трудовой массе, в основном фабрично-заводской; б) посещать политические и общественные собрания для выявления их актива и руководителей, решений и резолюций ими принимаемых; в) проникать в революционные (прежде всего социал-демократические) организации, знакомиться с их членами, получать информацию об адресах, явках, транзитах нелегальной литературы, связях с организациями других городов и т. д.; г) активно работать в общественных и политических организациях, вплоть до создания новых партийных ячеек с последующей сдачей их в руки царской «охранки».

2. Разнообразие вышеуказанных задач требовало использования в качестве осведомителей лиц разного социального происхождения, образования, профессий. То есть для выполнения задач определенного уровня требовался особый тип «работников». Можно говорить о трех категориях секретных сотрудников по степени их результативности и значимости для «охранки». Однозначно, что «золотым фондом» агентуры была третья категория. Она особо опекалась через местное губернское управление, через кураторство помощников начальника управления по Шуйскому уезду. Само собой, агенты этой категории были особо засекречены и оплачивались не хуже столичных секретных агентов. Многие из них были завербованы еще в 1905 г., то есть их стаж насчитывал более 10 лет.

3. Градация сотрудников по категориям косвенно дает представление о методах и перспективных (в плане получаемых результатов) направлениях деятельности местной «охранки». Это позволяет судить об уровне работы жандармерии г. Иваново-Вознесенска. Так вот, он был весьма высок, так как внутри структуры большое значение стали придавать профилактическим действиям в борьбе с политической оппозицией. И здесь были достигнуты весьма впечатляющие результаты: сокрушительные разгромы социал-демократических организаций города и пригородов в 1905 г., 1912—1913 гг., 1915—1916 гг.

Надо признать, что таким успехам местной «охранки» невольно способствовали и сами политические оппозиционеры. Они зачастую проявляли полную беспечность, не знали азов конспирации, излишне доверяли друг другу,

допускали на собрания первичных ячеек посторонних, делились с ними секретной информацией. Вследствие чего накануне и в период Первой мировой войны политические организации города находились «под колпаком» «охранки», буквально «обезлюдили» к февралю 1917 г. Они даже в условиях полной политической свободы весьма болезненно переживали фазу перехода от подпольных к легальным условиям деятельности, вплоть до мая 1917 г.

Но и в этой, казалось бы, отлаженной системе вербовки и слежки случались провалы и даже трагикомические случаи. Об одном таком «проколе» повествует газета «Известия Иваново-Вознесенского РКОБ» (№ 19 за 8 апреля 1917 г.). Помещенная в ней статья «Совершенно секретное происшествие» опиралась на документы жандармского архива. Речь в ней шла о неудачной миссии подполковника, помощника начальника Московского охранного отделения Л.Н. Эрнста. Прибыл он в г. Иваново-Вознесенск вместе с начальником Владимирского жандармского управления Л.С. Байковым 18 июня 1910 г. Целью его визита была вербовка в секретные агенты одного из местных почтово-телеграфных чиновников, получение от него сведений «относительно порядка и количества отправления денежных сумм <...> содействия в связи со злободневными слухами предполагаемого ограбления почты». Городской пристав Добротворский, введенный в курс дела, порекомендовал кандидатуру чиновника Н.А. Новикова. Он поручил своему помощнику Шишко, без объяснений деталей дела и не познакомив его с Л.Н. Эрнстом, привести Н.А. Новикова в отдельный кабинет ресторана Быстрова, что тот и сделал. Л.Н. Эрнст при Шишко назвался Муравьевым, а после его ухода представил свои документы и изложил Н.А. Новикову цель данной встречи. Такой неожиданный поворот ввел Н.А. Новикова в смятение, а затем породил у него подозрение, что перед ним сообщник злоумышленников, вознамерившихся ограбить почту. Он вызвал городского и 2 казаков, Л.Н. Эрнст был арестован, насильственно удерживался в комнате, а затем был препровожден на квартиру полицмейстера Н.Л. Червяковского. Конвой был отпущен. Л.Н. Эрнст заявил, что «никаких претензий на действия полиции не имеет и просил только предупредить разглашение инцидента и сохранить по возможности его инкогнито...». Что сказать? «Чужак» приехал вербовать секретных агентов, не введя в курс местных жандармов, в итоге получился казус, провал миссии столичного гостя.

Почему в судебных решениях, касавшихся разоблаченных секретных сотрудников «охранки», речь шла о работе последних исключительно в общественных и политических структурах социал-демократической направленности? Разве в среде эсеров города не было осведомителей? Прямого ответа на данные вопросы не имеем. Можно предположить, что: а) доноски были во всех общественных и политических организациях, но акцент в люстрации был сделан на работу провокаторов в социал-демократических структурах (большевики и меньшевики разных оттенков). В г. Иваново-Вознесенске традиционно доминировали социал-демократические ячейки среди других оппозиционных образований; б) разбор документации местного жандармского управления шел медленно или в силу новизны дела, или в силу чрезмерной занятости членов судебно-следственной комиссии в других комиссиях (в частности, М.П. Кондратьев, И.А. Салов); в) разбор документов шел избирательно в связи с тем, что в судебно-следственной комиссии преобладали беспартийные и эсеры, тем более данная информация публиковалась в газете «Иваново-Вознесенск», издателем которой был эсер И.А. Майоров. Кстати, он занимал и должность Председателя Исполнительного Комитета Общественных Организаций (преемник РКОБ) с мая 1917 г. Вопрос, поднятый нами, необходимо и дальше исследовать, хотя

источниковая база для него весьма ограниченная в силу специфики материала и изрядного износа и потерь номеров периодики г. Иваново-Вознесенска за 1917 г.

Какая судебная инстанция вела политические дела 13 секретных сотрудников и 4 подсудимых, обвинявшихся в махровой пропаганде самодержавия и черносотенных погромах 1905 г.? В дни Февральской революции был создан междупартийный Совестный суд в г. Иваново-Вознесенске. Именно он проводил судебные заседания, в ходе которых допрашивались обвиняемые и свидетели, выносились приговоры. Интересная форма сотрудничества представителей разных социалистических партий. Судя по источникам, местные органы самоуправления (Городская Дума и Городская Управа), ИКОО и Совет Раб[очих] и Солд[атских] Деп[утатов], в целом демократическая общественность города приняла эту форму правосудия, не чинила ей препятствий.

Были выработаны нормы представительства от социалистических партий в этот гражданский орган правосудия и процедура проведения заседаний. Возьмем для примера судебное представительство на заседании 13 сентября 1917 г. В число судей вошли от партии социал-демократов (большевики) — председатель С.И. Балашов и член суда В.Н. Наумов, от партии социал-демократов (меньшевики) — Н.А. Ананьин и В.И. Кузьмин, от партии социалистов-революционеров (максималисты) — А.В. Шабалин и И.П. Сеницын, от партии социалистов-революционеров (минималисты) — А.В. Лапшин и А.В. Петров. Секретарем, членом судебной комиссии был избран А.Е. Дворников. Процедура заседания предельно проста: доклад обвинителя по деяниям подсудимого, объяснения по пунктам обвинения самого подсудимого, свидетельские показания его товарищей по службе в «охранке» и просто граждан, вынесение приговора. За одну судебную сессию обычно проходило 2—3 бывших секретных агентов или участников черносотенных погромов 1905 г. Судебные заседания были гласными. Граждане г. Иваново-Вознесенска приглашались присутствовать на них, об этих заседаниях заранее давались оповещения судебно-следственной комиссии в газете «Иваново-Вознесенск». Еще одна интересная деталь: необязательным было присутствие на суде разоблаченных секретных сотрудников «охранки». Речь, конечно, идет о тех осведомителях, которые не представляли опасность для нового строя.

Удалось выявить по периодике 1917 г. три таких судебных заседания (13 сентября, 16 сентября и 2 октября). Очевидно, что описанная выше процедура проведения судебных заседаний сохранилась до конца 1917 г. Интересно то, что в других газетных заметках о работе междупартийного Совестного суда уже не указывался состав судей ни по фамилиям, ни по их партийной принадлежности.

Какую цель преследовали представители социалистических партий, инициируя деятельность Совестного суда? Какие приговоры выносились лицам, сидевшим на скамье подсудимых? Цель эта непрестанно озвучивалась в обоснованиях к приговорам. Ее можно свести воедино, приводя следующие формулировки из судебных решений: «революционный переворот в достаточной степени должен благотворно отразиться на подсудимых... вызовет у них раскаяние в содеянном и стремления к честной жизни... стремления загладить свое преступное прошлое». То есть цель Совестного суда — побудить оступившегося к духовно-нравственному очищению, дать шанс переродиться в свободной России. Гуманная, возвышенная цель, но трудно исполнимая, ибо в этих людях ржавчина корысти насквозь прожгла душу, атрофировала элементарные человеческие качества. Поэтому судам Совести приходилось приспосабливать эту целевую установку в каждом заседании применительно к конкретному подсудимому, и критерием здесь была степень причиненного им вреда делу свободы России.

Эта позиция судей Совести четко проявлялась в их окончательных приговорах. По степени вины и осознания ее подсудимыми эти приговоры отличались разной степенью строгости. Условно подразделим их на несколько категорий:

1. Осуждение и сочувствие к тем доносчикам, кто в силу своего малодушия, общей неразвитости пошел по этому пути. Особенно эти смешанные чувства относились к тем лицам, кто оказывал содействие следователям и покался в своих деяниях. Им обычно выносилось общественное порицание, оглашался призыв к исправлению. Подсудимые освобождались в зале суда.

2. Осуждение и вынесение общественного презрения к лицам, кто даже не делал попыток осознать свое преступное поведение, встать на путь духовно-нравственного исправления. Но судьями при этом учитывались следующие смягчающие обстоятельства: трудное семейное положение, неразвитость, болезнь подсудимого и т.д. Подсудимые освобождались из-под стражи.

3. Осуждение и признание опасности для нового строя лиц, упорно отстаивавших старые порядки, придерживающихся черносотенных настроений. Трудно понять, но и к ним применялась практика учета смягчающих обстоятельств: трудное семейное положение, неразвитость, болезнь подсудимого, время пребывания под арестом и т.д. Их тоже освобождали.

4. Осуждение и признание опасности нахождения на воле лиц, способных нанести вред свободной России, способных влиять на часть общества. Их оставляли под стражей на срок до созыва Учредительного Собрания. Правда, по декрету Временного правительства от 16 июля 1917 г. их пребывание за решеткой заканчивалось 16 октября того же года.

Но все категории вынесенных Судом Совести приговоров укладывались в одну матрицу правосудия Февральской революции с такой установкой: «лишить общественного доверия, признав недопустимым участие в политических, общественных, профессиональных и экономических организациях и во всякого рода общественно-политических выступлениях, а равно в пользовании пассивным и активным избирательным правами при выборах в органы самоуправления и Учредительного Собрания на срок до созыва Учредительного Собрания».

Выводы: 1. В юридическом плане люстрационные процедуры, имевшие место в г. Иваново-Вознесенске периода Февральской революции, касались лиц, сотрудничавших с царской охранкой на внештатной основе, то есть не занимавших должности в государственных структурах или органах местного самоуправления. В связи с этим люстрационные системы (механизмы очищения) здесь шли в т.н. «включающем» и «тихом» режимах (по классификации Ю. Забелиной) [Zabyelina; Williams; Fowler; Szczerbiak]. Суть их — публичное осуждение, но не уголовное наказание, временное поражение в правах избирать и быть избранным в органы местной и центральной власти (в нашем случае в Комитет общественной безопасности, Комитет общественных организаций, Городскую думу г. Иваново-Вознесенска; отстранение от участия в выборной кампании во Всенародное Учредительное собрание).

2. В историческом плане приводимый в статье материал о люстрации в г. Иваново-Вознесенске подводит к пониманию того, что на фоне высокой общественной активности населения ведущую роль в осуществлении разгрома местного жандармского управления сыграли умеренно-социалистические и демократические силы. Их ценный опыт сотрудничества в деле разрушения репрессивного аппарата царизма давал возможность выработать наиболее приемлемую форму коалиции конструктивных сил в деле внедрения принципов демократии в российскую государственность. Рупором этих настроений и конкретных шагов в сторону демократизации режима власти являлась демократическая печать г. Иваново-Вознесенска. Именно с ее страниц внедрялись в обществе мысли

о гуманизме и справедливости, призывы и предложения о возможности и необходимости сплочения воедино демократических и социалистических сил страны ради строительства Свободной и Великой России.

#### Список источников

- Иваново-Вознесенск. 1917.  
Известия Иваново-Вознесенского Революционного Комитета Общественной Безопасности. 1917.  
Чиркин В.Е. Люстрация // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/liustratsiia-582fca> (дата обращения: 20.02.2024).

#### Список литературы / References

- Дорджиев Д.Е. Люстрация: мера конституционно-правовой превенции. М., 2020. 89 с. URL: <http://hse.ru/edu/vkr/369061848> (дата обращения: 13.04.2024).  
(Dordzhiev D.E. Lustration: a measure of constitutional and legal prevention, Moscow, 2020, 89 p. — In Russ.)
- Краснов М.А. Введение в конституционное право с разъяснением сложных вопросов: учеб. пособие. М.: Высшая школа экономики, 2018. 454 с.  
(Krasnov M.A. Introduction to constitutional law with clarification of complex issues, Moscow, 2018, 454 p. — In Russ.)
- Нудненко Л.А. К вопросу о люстрации в законодательстве и практики его реализации в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 9. С. 41—44.  
(Nudnenko L.A. On the issue of lustration in legislation and the practice of its implementation in the Russian Federation, *State power and local self-government*, 2015, no. 9, pp. 41—44. — In Russ.)
- Радбрух Г. Философия права. М.: Международные отношения, 2004. 238 с.  
(Radbruch G. The philosophy of law, Moscow, 2004, 238 p. — In Russ.)
- Czarnota A. Lustration, Decommunisation and the Rule of Law, *Hague Journal on the Rule of Law*, 2009, vol. 1, pp. 307—336.
- David R. From Prague to Baghdad: Lustration Systems and their Political Effects, *Government and Opposition*, 2006, vol. 41, no. 3, pp. 347—372.
- David R. Lustration Laws in Action: The Motives and Evaluation of Lustration Policy in Czech Republic and Poland (1989—2001), *Law & Social Inquiry*, 2006, no. 28 (2), pp. 387—439.
- Research Handbook on Transitional Justice, ed. by Lawther C., Moffett L., Jacobs D., Cheltenham, 2017, 576 p.
- Rožić P., Nisnevich Y. Lustration Matters: A Radical Approach to the Problem of Corruption, *Studies in Comparative International Development*, 2015, vol. 51, no. 3, pp. 257—285.
- Sadurski W. Rights before Courts. A Study of Constitutional Courts in Postcommunist States of Central and Eastern Europe, Berlin: Springer, 2005, 377 p.
- Williams K., Fowler B., Szczerbiak A. Explaining lustration in Central Europe: a “post-communist politics” approach, *Democratization*, 2005, vol. 12, no. 1, pp. 22—43.
- Zabyelina Yu. Lustration Beyond Decommunization: Responding to the Crimes of the Powerful in Post-Euromaidan Ukraine, *State Crime Journal*, 2017, vol. 6, no. 1, pp. 55—79.

### THE FEBRUARY REVOLUTION AND LUSTRATION: SKETCHES TO THE PROBLEM

(based on the materials of the democratic press of Ivanovo-Voznesensk)

**Yuri A. Ilyin**

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, [ilyin37@mail](mailto:ilyin37@mail)

**Abstract.** The subject of the study is unusual: its uniqueness lies in the novelty of its approach to considering, in particular, such aspects as the restructuring of political self-government bodies. That transformation included their security and law enforcement

agencies, the exposure and arrest of secret employees of the tsarist secret police, the social portrait of the informant-provocateur of the provincial factory center of Russia. The phenomenon of the justice system of the February Revolution is exemplified by the Interparty Conscience Court established by the democratic forces of the city, which considered and sentenced secret agents of the tsarist secret police. The Court based its decisions on the principles of humanism and justice. The material presented in the article on lustration in Ivanovo-Voznesensk leads to the understanding that moderate socialist and democratic forces played a leading role in the defeat of the local gendarme administration against the background of high public activity of the population. Their valuable experience of cooperation in the destruction of the repressive apparatus of tsarism made it possible to develop the most acceptable form a coalition of constructive forces in the implementation of the principles of democracy in the Russian statehood. The mouthpiece of these sentiments and concrete steps towards the democratization of the regime of power was the democratic press of Ivanovo-Voznesensk. It was from its pages that ideas about humanism and justice, appeals and proposals about the possibility and necessity of uniting the democratic and socialist forces of the country for the construction of a Free and Great Russia were introduced into society

**Keywords:** gendarmerie, police, secret agents, social portrait of an informant, judicial investigation commission, interparty Conscience court

**For citation:** Ilyin Yu.A. The February Revolution and lustration: sketches to the problem (based on the materials of the democratic press of Ivanovo-Voznesensk), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2025, iss. 1, pp. 89—102.

*Статья поступила в редакцию 24.02.2024; одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 24.12.2024.*

*The article was submitted to the editorial office 24.02.2024; approved after review 28.11.2024; accepted for publication 24.12.2024.*

#### **Информация об авторе / Information about the author**

**Ильин Юрий Александрович** — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, [ilyin37@mail.ru](mailto:ilyin37@mail.ru)

**Ilyin Yuri Alexandrovich** — Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of History of Russia, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, [ilyin37@mail.ru](mailto:ilyin37@mail.ru)